УДК 811.111-26
DOI 10.5281/zenodo.21700348

Бондаренко А. А.

Бондаренко Анна Анатольевна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, д. 48, наб. р. Мойки, Санкт-Петербург, Россия, 191186. E-mail: annnapupupu@gmail.com.

Антропонимический код рыцарского романа и его пародийная деконструкция (на материале романов Т. Мэлори “Le Morte d’Arthur” и М. Твена “A Connecticut Yankee in King Arthur’s Court”)

Аннотация. Статья посвящена проблеме интертекстуального взаимодействия жанра рыцарского романа и его пародийной интерпретации на уровне антропонимической системы. На материале произведений Т. Мэлори “Le Morte d'Arthur” и М. Твена “A Connecticut Yankee in King Arthur's Court” рассматриваются механизмы пародийной трансформации ономастического кода куртуазной традиции. Анализируются способы снижения эпического пафоса, включая языковую игру, антропонимические искажения и бытовую прагматизацию рыцарских мотивов. В работе делается акцент на том, что пародия не отменяет исходную традицию, а актуализирует её через жанровую саморефлексию, включая классический текст в новый культурный контекст. Особое внимание уделяется типологии трансформации имён собственных и культурной семантике антропонимов, участвующих в формировании комического эффекта.
Ключевые слова: интертекстуальность, рыцарский роман, пародия, антропонимика, жанровая трансформация, деконструкция образа, куртуазная литература.

Bondarenko A. A.

Bondarenko Anna Anatolyevna, A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, Russia, 191186. E-mail: annnapupupu@gmail.com.

The Anthroponymic Code of the Chivalric Romance and Its Parodic Deconstruction (Based on T. Malory’s “Le Morte d’Arthur” and M. Twain’s “A Connecticut Yankee in King Arthur’s Court”)

Abstract. This article addresses the issue of intertextual interaction between the genre of the chivalric romance and its parody, specifically regarding the system of personal names. Drawing on Thomas Malory’s “Le Morte d'Arthur” and Mark Twain’s “A Connecticut Yankee in King Arthur's Court”, the study examines the mechanisms behind the parodic transformation of the courtly tradition’s onomastic code. It analyzes methods used to deflate epic grandeur — such as wordplay, the distortion of personal names, and the grounding of chivalric motifs in everyday reality. The paper emphasizes that parody does not negate the original tradition but rather revitalizes it through genre-based self-reflection, situating the classic text within a new cultural context.

Particular attention is paid to the typology of proper name transformations and the cultural semantics of the anthroponyms that contribute to the comic effect.
Key words: intertextuality, chivalric romance, parody, anthroponymy, genre transformation, deconstruction of the image, courtly literature.

Феномен интертекстуальности, понимаемый как включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций или аллюзий, приобретает особую выразительность при наличии связей оригинального романа с последующим произведением в жанре пародии [1, с. 354]. Пародия, что от древнегреческого имеет перевод «перепев» и носит функцию комического подражания художественному произведению, в данном случае не просто заимствует элементы оригинала, но и переиначивает их суть с комической целью [13, с. 721–722]. В настоящей статье феномен интертекстуальности рассматривается на антропонимическом материале, представленном в текстах рыцарского романа T. Malory “Le Morte d'Arthur” (Т. Мэлори «Смерть Артура») и романа-пародии M. Twain “A Connecticut Yankee in King Arthur’s Court” (М. Твен «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура») [20, с. 919–920]. Сопоставление этих текстов позволяет выявить расхождение в системе персонажей, в которой эффект пародии напрямую коррелирует с комедийностью их жанровых метаморфоз.

Вопросы художественной ономастики, в частности антропонимики, давно занимают исследователей. Социокультурным и стилистическим коннотациям имен собственных, а также их использованию в художественном тексте посвящены многие работы российских и зарубежных исследователей [5; 6; 9; 10; 13].

Существуют работы, в которых рассматриваются способы номинации персонажей средневековой, в том числе куртуазной, литературы [3; 7; 8].

Имена главных героев легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола издавна воспринимаются как носители определённых куртуазных качеств. В тексте романа-пародии антропонимы функционируют как своего рода ономастические тропы (аллюзии, метафоры, метонимии), во многом способствуя созданию различных стилистических эффектов.

Объектом настоящего анализа избирается сэр Ланселот (Launcelot) как один из значимых персонажей артуровского цикла. В романе Т. Мэлори Ланселот предстает трагическим персонажем и воплощением куртуазного идеала (доблесть, служение даме и внутренний конфликт между честью/достоинством и долгом). В 6-й книге своего романа “Le Morte d'Arthur” предлагается развернутая характеристика героя не через статичное описание, а через его поступки, речь и отношение к нему других персонажей.

Абсолютное превосходство Ланселота над остальными рыцарями Круглого Стола очевидно: “...for in all tournaments and justs and deeds of arms, both for life and death, he passed all other knights, and at no time he was never overcome but if it were by treason or enchantment” [19, с. 111] («Но особенно отличался там сэр Ланселот Озерный, ибо во всех турнирах, поединках и схватках и на жизнь, и на смерть он превзошел остальных рыцарей и ни разу не терпел поражения, если только не было там измены или колдовства» [12, с. 165]). В тексте цитаты отмечается непревзойденность Ланселота в боевом искусстве: “...but if it were by treason or enchantment” («...если только не было там измены или колдовства»). В романе Т. Мэлори рыцарская доблесть Ланселота прочно связана с его чувствами к королеве Гвиневре (Guenevere): “Wherefore queen Guenever had him in great favour above all other knights, and in certain he loved the queen again above all other ladies and damsels all his life, and for her he did many deeds of arms, and saved her from the fire through his noble chivalry” [19, с. 111] («За то и королева Гвиневера

оказывала ему благосклонность перед всеми другими рыцарями, и он тоже любил королеву больше, нежели какую-либо другую женщину за всю свою жизнь, во имя ее свершил он немало боевых подвигов и спас ее от костра через рыцарское свое благородство» [12, с. 165–166]). В данном случае ярко прослеживается личный мотив (проявляемый в любви к «даме сердца»): любовь Ланселота к королеве, которой он служит всю жизнь, посвящая своей избраннице свои подвиги.

Ланселот как типичный представитель куртуазного романа, характеризует сюжет через свои поступки, подвиги. Композиция шестой книги строится на основе цепи приключений и различных авантюр. Так, сэр Ланселот покидает двор ради странствий, становится жертвой похищения колдуньями, участвует в турнире, убивает великанов, сражается с сэром Турквайном (sir Turquine). Идеальный рыцарь Т. Мэлори предстает верным данному слову и милостивым к побежденным. Ярким примером является эпизод столкновения Ланселота и лорда Беллеуса. В битве Ланселот одерживает победу над рыцарем, однако оказывает поверженному рыцарю помощь, обещая также помочь вступить в братство Круглого Стола: “Fair lady, said Sir Launcelot, let him come unto the court the next high feast, and look that ye come with him, and I shall do my power, and ye prove you doughty of your hands, that ye shall have your desire” [19, с. 115] («— Прекрасная дама, — отвечал сэр Ланселот, — пусть на будущие праздники приезжает он ко двору, и вы тоже обязательно приезжайте вместе с ним. Я сделаю все, что в моих силах. И если он покажет себя искусным и крепким на руку, его желание будет исполнено» [12, с. 171]). Другим эпизодом рыцарской доблести является бой Ланселота с Турквайном, в котором противника убивают только после того, как тот отвергает возможность примирения (связано с убийством сэра Карадоса (sir Carados), братом Турквайна). После чего все пленники Турквайна освобождаются и направляются с почестями к королю Артуру [19, с. 118–119].

Особого внимания заслуживает отношение Ланселота к женщинам. В беседе с дамой, упрекающей его в том, что он не любит никого, кроме королевы Гвиневры (Guenevere), Ланселот произносит речь, раскрывающую его идеал: “...but for to be a wedded man I think it not, for then I must couch with her, and leave arms and tournaments, battles and adventures. And as for to say for to take my pleasance with paramours, that will I refuse in principal for dread of God. For knights that be adulterous, or wanton, shall not be happy nor fortunate unto the wars, for either they shall be overcome with a simpler knight than they be themselves, or else they shall by mishap and their cursedness slay better men than they be themselves; and who that so useth shall be unhappy, and all thing is unhappy that is about them” [19, с. 119–120] («Что же до женитьбы, то жениться нет у меня намерения, ибо тогда я должен спать с женой, оставить брань и турниры, походы и приключения. А любиться и тешиться с разными женщинами я не согласен, более всего страха божия ради, ибо странствующим рыцарям не должно быть прелюбодеями и распутниками, иначе не будет им удачи и счастья на войне: либо одолеет такого рыцаря рыцарь попроще родом и званием, либо же, по несчастной случайности себе на беду, он сам убьет человека лучшего, нежели он. У кого есть любовницы, тот несчастлив и нет ему удачи ни в чем» [12, с. 177–178]). В данном отрывке формулируются три важнейшие черты его «идеала»: отказ от брака (ради сохранения свободы для воинского служения), отказ от случайных любовных связей (из страха перед Богом) и надвигающиеся на распутных рыцарей неудачи в битвах. Любовь к Гвиневре подана как единственное и возвышенное по своей сути для Ланселота исключение.

Физическая мощь Ланселота постоянно гиперболизируется: в турнире он с одного копья сбивает пять рыцарей, за-

тем шестнадцать, потом двенадцать [19, с. 116]; в бою с Турквайном они сражаются «два часа и более», и земля покрывается кровью [19, с. 118]. Сила героя предстает как знак избранности, так как Ланселот служит правому делу. Безупречность Ланселота подчеркивается косвенными методами. Так, освобожденные рыцари называют его “... and this day I say ye are the best knight in the world,...” [19, с. 118] («Я видел сегодня, что вы лучший рыцарь на свете, ...» [12, с. 176]). Спасенная им Дама благодарит его: “the courtiest knight thou art and meekest unto all ladies and gentlewomen that now liveth” [19, с. 119] («…ибо вы — учтивейший из всех рыцарей на свете и всем дамам и девицам покорный слуга» [12, с. 177]); “Sir Launcelot had the greatest name of any knight of the world, and most he was honoured of high and low” [19, с. 128] («И была в ту пору у сэра Ланселота слава такая, как ни у кого на свете, и почитал его всяк — и велик, и мал» [12, с. 190]). Таким образом, Ланселот Т. Мэлори — абсолютно серьёзный, трагически-возвышенный герой, лишённый самоиронии.

В 26-й главе романа М. Твена («The First Newspaper») образ Ланселота подвергается радикальной деконструкции. Важно, что сам Ланселот не появляется в сцене непосредственно, но постоянно присутствует как «тень» — через ревность короля и охлаждение Гвиневры. Король Артур произносит программную фразу, которая «переворачивает» весь смысл образа: «Thou forgettest that Launcelot is here; and where Launcelot is, she noteth not the going forth of the king, nor what day he returneth» [20, с. 333]. Если у Т. Мэлори имя Ланселота символизирует воинскую мощь и защиту королевства, то у М. Твена это имя становится «знаком уязвимости» короля, его слабости как мужа и правителя. Антропонимический код «переворачивается»: Ланселот — не «копьё» (кельт. lancea) королевства, а «копьё», направленное в сердце королевского достоинства.

Куртуазная любовь Ланселота и Гвиневры, возвышенная у Т. Мэлори, превращается у М. Твена в бытовую измену и предмет сплетен. Рассказчик-«янки» с прагматичным цинизмом замечает: “Yes, Guenever was beautiful, it is true, but take her all around she was pretty slack. I never meddled in these matters, they weren't my affair, but I did hate to see the way things were going on... Many's the time she had asked me, “Sir Boss, hast seen Sir Launcelot about?” but if ever she went fretting around for the king I didn't happen to be around at the time” [20, с. 333–334]. В анализируемом произведении высокий куртуазный пафос «снижается» до уровня бытовой хроники.

Средой осуществления главного пародийного механизма в главе становится газета “Camelot Weekly Hosannah and Literary Volcano”. Именно в газетных заметках М. Твен даёт пародийное переосмысление артуровских героев, подвергая их имена и подвиги смысловой и морфологической трансформации. Раздел “Local Smoke and Cinders” представляет собой сатирическую хронику, где рыцарские приключения перекодируются в криминальные сводки и светские сплетни. Методологической основой выделения типов послужил анализ всех антропонимов, представленных в газетном разделе «Local Smoke and Cinders» (глава 26 романа М. Твена). Классификация построена по принципу доминирующего механизма ономастической трансформации: каждый тип определяется тем, какой именно аспект имени собственного — фонетический, семантический, структурный или контекстуальный — подвергается пародийному воздействию. Предлагаемая типология не претендует на исчерпывающий характер, однако охватывает все выявленные в анализируемом фрагменте способы трансформации. Последовательность типов отражает движение от наиболее радикальных форм (фонетическое искажение) к более тонким (контекстуальное снижение и бюрократическая пародия).

В газетном разделе «Local Smoke and Cinders», своего рода пародийной хроники артуровского двора, имена рыцарей подвергаются системной трансформации, которую можно классифицировать по нескольким типам.

Первый тип — фонетическое искажение с одновременной смысловой подменой. Так, имя сэра Гавейна, одного из центральных рыцарей Круглого Стола у Т. Мэлори, превращается у М. Твена в Sir Jauncejo («сэра Жонсё»). Это искажение не случайно: фонетически оно отсылает к французскому jongleur (жонглёр, шут), что мгновенно снижает высокий эпический статус Гавейна до уровня многим ниже, чем в каноничном устое. Аналогичным образом король Ангвиш Ирландский, фигурирующий у Т. Мэлори как грозный правитель, у М. Твена превращается в “old King ygrivance” («старого короля Игриванса»), где искажённое имя созвучно английскому “aggrievance” — «обида», «притеснение»; этот персонаж предстает уже не как величественный монарх, а как жалкий и смешной старик, с которым «случилась неприятность» на болоте [20, с. 340].

Второй тип — сохранение оригинального имени, но помещение его в резко сниженный, комический контекст. Сэр Саграмор Желанный (Sir Sagramour le Desirous), сэр Персант Индийский (Sir Persant of Inde) и сэр Паламид Сарацин (Sir Palamides the Saracen) сохраняют свои канонические имена, однако соседство с такими просторечными выражениями, как «не лыком шит» (no huckleberry himself), «пикник» (picnic) и «ребята настроены серьёзно» (these boys mean business), разрушает их эпический ореол [20, с. 340–341]. Торжественные прозвища «le Desirous» и «the Saracen» теряют свою значимость, поскольку начинают ассоциироваться не с рыцарскими подвигами, а с забавной газетной заметкой о поисковой экспедиции, которая по тону напоминает объявление о розыске пропавших людей.

Третий тип — создание новых имён по модели «цвет + топоним», что является прямой пародией на рыцарские прозвища, характерные для артуровского цикла. Таков, например, “Knight of the Red Lawns” («Рыцарь Красных Лужаек»): здесь цветовой эпитет, традиционно указывающий на доблесть или происхождение (как, например, Рыцарь Красного Креста), превращается в бессмысленную и даже смешную характеристику, поскольку красные лужайки могут означать лишь нелепую деталь ландшафта.

Четвёртый тип представлен созданием имён-нарицательных, которые представляют собой не столько имена собственные, сколько комические ярлыки. Сэр Дальянс (Sir Dalliance), сын герцога Корнуэльского (duke Cornwall), получает имя от слова “dalliance”, означающего «флирт», «легкомыслие» [20, с. 340–341]. В результате этот персонаж характеризуется не рыцарскими доблестями, а именно той чертой, которая высмеивается в куртуазной культуре — праздным волокитством. Его гибель в поединке с “Giant of the Knotted Bludgeon” («Великаном Узловатой Дубины») представлена в газетной заметке как рядовой криминальный случай, причём похороны поручаются «вечно любезному и эффективному Мамблу (efficient Mumble), князю гробовщиков», что окончательно низводит рыцарскую смерть до уровня банальной коммерческой услуги [20, с. 341].

Пятый тип — зооморфное имя, как в случае с сэром Шароле Галльским (Sir Charolais of Gaul). Здесь М. Твен использует название породы крупного рогатого скота (шароле), что является грубым снижением: вместо того чтобы именовать рыцаря по месту происхождения или по доблести, автор даёт ему имя, ассоциирующееся с животноводством, и тем самым лишает его всякого человеческого достоинства [20, с. 341].

Шестой тип — бюрократическая пародия на рыцарские титулы. Например, “Lord High Stew of the Palace's Third Assistant Vat” («Лорд Высокий Стю, тре-

тий помощник в чане дворца»). В этом имени обыгрывается сразу несколько снижающих механизмов: во-первых, stew означает «похлёбка» или «тушёное мясо», аллюзия на поварское искусство, а не на рыцарскую доблесть; во-вторых, «третий помощник в чане» — абсурдный бюрократический титул, пародирующий сложную феодальную иерархию; в-третьих, всё это имя — своего рода сатирический канцеляризм, контрастирующий с романтикой артуровской эпохи.

Таким образом, в газетных заметках М. Твена имена персонажей перестают быть сакральными знаками доблести и судьбы, какими они были у Т. Мэлори. Вместо этого они становятся случайными ярлыками, либо комическими характеристиками, либо объектами для фонетической игры. Системность этой трансформации свидетельствует о том, что М. Твен не просто высмеивает отдельные имена, но целенаправленно разрушает всю именную систему артуровского цикла, переводя её из эпической парадигмы в комико-бытовую, где каждый рыцарь — не носитель высокой миссии, а персонаж провинциальной газетной хроники с её сенсациями, сплетнями и рекламными объявлениями.

Сопоставительный анализ двух романов позволяет рассматривать пародию М. Твена не как деструктивное отрицание артуровского канона, а как его зеркальное отражение, где каждый элемент оригинальной системы получает противоположную смысловую нагрузку. Если у Т. Мэлори рыцарский мир строится на иерархии сакральных имен и безусловной серьёзности подвига, то у М. Твена тот же мир пересоздается через механизмы языковой игры, бытового прагматизма и газетно-фельетонной эстетики, превращающей эпических героев в персонажей провинциальной хроники.

В свете классических теорий пародии этот результат приобретает дополнительное теоретическое осмысление. Ю. Н. Тынянов, рассматривая пародию как «механизацию определённого приёма», подчёркивал, что в пародии обязательна «невязка обоих планов», смещение стилей и смыслов [16, с. 209–210]. Применённая к антропонимической системе, эта «механизация» означает обнажение условности рыцарского имени: то, что в куртуазной традиции функционировало как естественный знак доблести, в пародии обнаруживает свою искусственность и поддаётся разборке. М. М. Бахтин, развивая концепцию смеховой культуры, видел в пародийном снижении не разрушение, а обновление традиции через карнавальное «переворачивание» иерархий: смех «амбивалентен» — он одновременно умерщвляет и возрождает, снижая высокое ради его обновления [4, с. 12–15].

Важным результатом этой трансформации становится изменение самой природы интертекстуальной связи: от цитирования и заимствования М. Твен переходит к системной перекодировке жанрового кода. Рыцарская авантюра утрачивает свою героическую мотивацию, куртуазная любовь утрачивает присущую ей возвышенность, имена — знаки судьбы в куртуазии — превращаются в комические ярлыки. Интертекстуальность выступает универсальным механизмом жанровой памяти: пародия сохраняет структуру рыцарского романа, разрушая её, а комическое переосмысление служит не обесцениванию, но обновлению традиции, демонстрируя её способность к адаптации в изменяющихся литературных контекстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И.В. Интертекстуальность - поэтика чужого слова // Семантика Стилистика Интертекстуальность. Москва: ФЛИНТА, 2019. С. 353–365.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1986. 296 с.

3. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. 13-е изд. М.: ФЛИНТА, 2016. 380 с.
4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965. 527 с.
5. Вышенская Ю. П. Антропоним как маркер социальной роли в структуре куртуазного универсума // Проблемы взаимодействия языка и культуры. Межвузовский сборник научно-методических статей. Министерство образования Российской Федерации. Государственный педагогический институт им. С.М. Кирова. Псков, 2000. С. 18–26.
6. Вышенская Ю.П. Аспекты соприкосновения языкового и неязыкового в процессе формирования художественного стиля (на материале поэмы "Sir Gawain and the Green Knight") // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №7-2(61). С. 83–86.
7. Вышенская Ю.П. Стилистическая техника “Cogito Risible” в текстах фаблио // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9, №2. С. 24–33.
8. Вышенская Ю.П. Художественный стиль эпохи формирования. Санкт-Петербург, 2026. 148 с.
9. Игнатьева Т.Г. Номинация персонажей в старофранцузском тексте. Красноярск, 2013. 184 с.
10. Михайлова И.М. Передача имен собственных в художественном тексте и словесные игры (из опыта переводчика-филолога) // LIII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Сборник тезисов. Санкт-Петербург, 2026. С. 1450–1451.
11. Мурадова Л.А. Слова-реалии в составе библионимов: проблемы перевода (на материале французского и русского языков) // Лингвистика и образование: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию Московского педагогического государственного университета. Москва, 2023. С. 158–162.
12. Мэлори Т. Смерть Артура. 1-е изд. Москва: Наука, 1974. 899 с.
13. Николюкин А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.
14. Природина У.П. Важные свойства онимов для когнитивного подхода (на материале топонимов) // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1-1 (62). С. 435–439.
15. Природина У.П. Поэтонимы в пространстве района Марихелль г. Стокгольма (на материале детской литературы) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2024. Т. 21, № 4. С. 24–30. DOI 10.14529/ling240404.
16. Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 198–226.
17. Французская литература от истоков до начала новейшего периода. Луков Вл. А.: Средневековый рыцарский роман (жанр) // Средние века и Возрождение URL: https://svr-lit.ru/svr-lit/lukov-francuzskaya-literatura/index.htm (дата обращения: 20.07.2026).
18. Berry C. Keeping “the Spirit of the Text”. A publishing and translation history case study of Nils-Olof Franzén’s detective series Agaton Sax // Barnboken (-tidskrift för barnlitteraturforskning). Journal of Children’s Literate Research. 2016. №39. DOI 10.14811/clr.v39i0.258.
19. Malory T. Le Morte d'Arthur. 1-e изд. London: MACMILLAN AND CO., Limited, 1919. 509 p.
20. Twain M. A Connecticut Yankee in King Arthur’s Court. New York: Jenkins&McCowan, 1889. 575 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

14. Arnol'd I.V. Intertekstual'nost' - poetika chuzhogo slova // Semantika Stilistika Inter-tekstual'nost'. Moskva: FLINTA, 2019. S. 353–365.
15. Arnol'd I.V. Leksikologiya sovremennogo anglijskogo yazyka. 3-e izd. M.: Vysshaya shkola, 1986. 296 s.
16. Arnol'd I.V. Stilistika. Sovremennyj anglijskij yazyk. 13-e izd. M.: FLINTA, 2016. 380 s.
17. Bahtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa. M.: Hudozh. lit., 1965. 527 s.

18. Vyshenskaya YU. P. Antroponim kak marker social'noj roli v strukture kurtuaznogo univer-suma // Problemy vzaimodejstviya yazyka i kul'tury. Mezhvuzovskij sbornik nauchno-metodicheskih statej. Ministerstvo obrazovaniya Rossijskoj Federacii. Gosudarstvennyj pedagogicheskij institut im. S.M. Kirova. Pskov, 2000. S. 18–26.
19. Vyshenskaya YU.P. Aspekty soprikosnoveniya yazykovogo i neyazykovogo v processe formirovaniya hudozhestvennogo stilya (na materiale poemy "Sir Gawain and the Green Knight") // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. №7-2(61). S. 83–86.
20. Vyshenskaya YU.P. Stilisticheskaya tekhnika “Cogito Risible” v tekstah fablio // Uchenye zapis-ki Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2023. T. 9, №2. S. 24–33.
21. Vyshenskaya YU.P. Hudozhestvennyj stil' epohi formirovaniya. Sankt-Peterburg, 2026. 148 s.
22. Ignat'eva T.G. Nominaciya personazhej v starofrancuzskom tekste. Krasnoyarsk, 2013. 184 s.
23. Mihajlova I.M. Peredacha imen sobstvennyh v hudozhestvennom tekste i slovesnye igry (iz opyta perevodchika-filologa) // LIII Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferenciya imeni Lyudmily Alekseevny Verbickoj. Sbornik tezisov. Sankt-Peterburg, 2026. S. 1450–1451.
24. Muradova L.A. Slova-realii v sostave biblionimov: problemy perevoda (na materiale francuzskogo i russkogo yazykov) // Lingvistika i obrazovanie: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 150-letiyu Moskovskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta. Moskva, 2023. S. 158–162.
25. Melori T. Smert' Artura. 1-e izd. Moskva: Nauka, 1974. 899 s.
26. Nikolyukin A.N. Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij. M.: Intelvak, 2001. 1600 s.
27. Prirodina U.P. Vazhnye svojstva onimov dlya kognitivnogo podhoda (na materiale toponi-mov) // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2025. № 1-1 (62). S. 435–439.
14. Prirodina U.P. Poetonimy v prostranstve rajona Marihell' g. Stokgol'ma (na materiale detskoj literatury) // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2024. T. 21, № 4. S. 24–30. DOI 10.14529/ling240404.
15. Tynyanov YU.N. Dostoevskij i Gogol' (k teorii parodii) // Poetika. Istoriya literatury. Kino. M.: Nauka, 1977. S. 198–226.
16. Francuzskaya literatura ot istokov do nachala novejshego perioda. Lukov Vl. A.: Sredneveko-vyj rycarskij roman (zhanr) // Srednie veka i Vozrozhdenie URL: https://svr-lit.ru/svr-lit/lukov-francuzskaya-literatura/index.htm (data obrashcheniya: 20.07.2026).
17. Berry C. Keeping “the Spirit of the Text”. A publishing and translation history case study of Nils-Olof Franzén’s detective series Agaton Sax // Barnboken (-tidskrift för barnlitteraturforskning). Journal of Children’s Literate Research. 2016. №39. DOI 10.14811/clr.v39i0.258.
18. Malory T. Le Morte d'Arthur. 1-e izd. London: MACMILLAN AND CO., Limited, 1919. 509 p.
19. Twain M. A Connecticut Yankee in King Arthur’s Court. New York: Jenkins&McCowan, 1889. 575 p.

Поступила в редакцию: 26.07.2026.
Принята в печать: 03.09.2026.